

П. Л. ЛАВРОВ

Государственный элемент в будущем обществе

<Фрагменты>

Предисловие

Мысль об этом труде занимала автора с самых первых дней издания «Вперед». Но тогда, в 1873 и 1874 г., споры государственников и антигосударственников были так страстны, самим формам централизма и федерализма спорившие придавали такое громадное значение, что более серьезное и спокойное обсуждение вопроса имело мало шансов быть выслушанным со вниманием. Это время прошло. Записки, представленные на Брюссельский конгресс, и прием этих записок разными оттенками социалистов доказали автору, что страсти улеглись. В то самое время, как готовилось к печати издание «Общественной службы в будущем обществе», было приступлено и к этому труду¹.

Он не есть чисто теоретическое рассуждение, так как вопрос об элементе власти в организации убежденных социалистов есть не только вопрос будущего, вопрос отдаленного идеала рабочего социализма; это также вопрос насущной борьбы, начатой теперь в явных союзах рабочих, в тайной социально-революционной организации, борьбы, которая будет иметь место в иных формах и на другой день после победы пролетариата. Но вопрос этот, с другой стороны, настолько существенен для самих начал рабочего социализма, что, решая его в виду настоящего положения дел, приходится постоянно руководиться теми более отдаленными общественными задачами, которые заключаются в самой сущности этих начал. Этот вопрос, как все вопросы научного социализма, представляет поэтому самое тесное сплетение теории и практики, научных принципов и жизненных требований. Это сплетение

идеальных и реальных элементов неизбежно усложняет вопрос и увеличивает трудность его решения. Автор попытался разобраться это решение, насколько считал это возможным. Он предоставляет читателям судить, насколько ему удалось исполнить свою задачу. Конечно, сложность вопроса требовала бы большего развития, но автор опасается, как бы читатель не обвинил его в том, что и теперь его труд вышел слишком обширным. Главное старание автора было направлено на устранение запутанности, происходящей в этом вопросе от того, что представления о государственности, относящиеся к разным периодам будущего, смешиваются как между собою, так и с представлением государства, как мы его видим в настоящем и в прошедшем. При этом смешении представлений самое решение становится невозможным. <...>

19 июня 1876 г.

I. Несколько вступительных слов

Один из самых сильных и опасных врагов социализма в настоящее время есть современное государство. Против него направлена значительная доля борьбы организующегося рабочего социализма. Но в какой мере приходится будущему обществу отречься от современного государственного предания и в какой мере сама социальная революция при своем осуществлении и в своем подготавливании может и должна избегать чего-либо общего с нынешними приемами внутренней и внешней политики — в этом различные представители социальной идеи в наше время далеко не согласны между собою. Недавно еще можно было подумать, что именно этот пункт составляет принципиальный повод к раздору между партиями социалистов и что на этой почве произойдет раскол в среде рабочих. Лассальянцы боролись с современным государством лишь с целью захватить его, как оно есть, в свои руки, воспользоваться его наличными средствами для своих целей, его организацией для подавления врагов пролетариата, и даже за почву своей деятельности принимали ту случайную историческую почву, которую создали завоеватели и дипломаты, случайные удачи хищничества и еще более случайные брачные союзы прежнего времени в так называемых исторических национальностях. Шире поставлена была программа, партии, которая еще в 1847 году в манифесте коммунистов высказала знаменитый девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,

той партии, которая выработала первую программу Интернационала и господствовала на первых его конгрессах; той партии, главный орган которой назвал себя «Народным Государством»*. Международная ассоциация рабочих должна была быть, с этой точки зрения, государством, но государством особенного рода, именно *государством без территории*, с центральной властью Генерального совета, с разветвлениями, ему подчиненными, в федеральных советах, в местных советах, в центральных органах союзов однородных ремесел, распространенных на разные страны, наконец, в элементарных социальных клеточках нового строя, в секциях. Этой грандиозной идее всемирного политического союза пролетариата с крепкою организацией явилась оппозиция с разных сторон.

Во-первых, частью извне Интернационала, частью внутри его деятельно пропагандировалась идея всенародного законодательства для всенародных целей в пределах *существующих* политических национальностей, на почве *существующей* государственности; это вело к образованию различных рабочих партий в нынешних государствах, партий, из которых одни — в государствах с более демократической конституцией (как в Америке, в Швейцарии, во Франции) прямо стремились захватить законодательство *нынешних* государств в свои руки, отодвигая на второй план «рабочее государство без территории»; другие — в государствах, где не существовало всеобщее право голосования, употребляли все свои силы на политическую агитацию для получения этого права, опять-таки отодвигая на второй план агитацию в пользу между народного союза пролетариата для повсеместной борьбы против его врагов соединенными силами.

Во-вторых, в среде самой Международной ассоциации рабочих образовался небольшой союз, имевший в виду более централистическую, *более государственную* власть, чем представлял ее Генеральный совет, заимствуя у прежнего времени все средства тайных заговоров, все приемы тайных государственных канцелярий для борьбы против врагов. Это был небольшой, и по силам всегда остававшийся ничтожным, союз *альянсистов*, примкнув-

* Филипп Беккер, впервые придумавший это название, имел просто в виду уклониться от не совсем удобного в то время названия «Республики», и слово *Volksstaat* должно было лишь служить заменой этому названию.

ших к программе так называемого «Демократического революционного союза» («Alliance democratique revolutionnaire»)².

В-третьих, из среды той же Ассоциации вышла программа, которая, как бы продолжая традицию прудоновского *анархизма*, выставляла на первый план полное противоречие между самым принципом «государственности» и принципом общества социалистов; противопоставляла государству рабочих, централизованному в Генеральном совете, начало автономии федераций в общем союзе пролетариата, начало автономии секций в федерациях, даже начало автономии личностей в секциях³; принимала за свой девиз в сфере общественных форм — свободную федерацию при отсутствии всякой принудительной власти, в сфере нравственно-общественных принципов — *коллективизм*, т. е. добровольное и сознательное употребление всех личных сил на коллективные цели, в противоположность *коммунизму*, подчиняющему личность коллективности, хотя бы и против воли личности, и в противоположность *мютюэлизму*⁴, где личности всегда имеют в виду обмениваться равноценными услугами*.

Эти различные несогласия ослабили в некоторой степени развитие Международной ассоциации рабочих, вызвали полемику, очень часто переходившую в область личных нападений и личной борьбы; полемику, которая придавала противоположению централизма и федерализма в Интернационале совершенно несоответствующее этим терминам значение, полемику, которая совершенно затемнила вопрос о политической роли рабочих в настоящее время; полемику, которая, наконец, едва ли не выставила указанное разделение между партиями как нечто более существенное, чем единство борьбы пролетариата против

* Во всем этом рассуждении мы вовсе не имели в виду личностей и их деятельностей, слишком часто непоследовательной или обусловленной тысячами жизненных обстоятельств, соперничеств и т. п. Мы имели в виду лишь выставленные принципы и программы. Поэтому мы рассматриваем программу «Альянса» и программу «Анархизма» как две прямо противоположные программы, два полюса социалистических взглядов на роль государственного элемента в подготовке и развитии социальной революции. Почему одни и те же лица могли принять и пропагандировать эти программы, это, в настоящем рассуждении, нас не касается. Это вообще дело общего принципа, а дело *личной последовательности* в мысли и *личной совести этих лиц*. Мы имеем дело лишь с логическими последствиями или логическими противоречиями принципов.

капитализма, против эксплуатации, против государственных притеснений.

Из-за различного взгляда на государственную помощь пролетариату и на национальную почву рабочего социализма в продолжение многих лет две обширные рабочие партии в Германии парализовали друг друга⁵. Из-за того же многие рабочие союзы Англии лишь на самое короткое время примкнули к Интернационалу и до сих пор тратят почти даром свои обширные средства⁶.

Из-за более или менее тайной организации «Альянса» на началах более централистических его основатели были исключены, как заговорщики, из Международной ассоциации рабочих⁷, тогда как обе партии довольно снисходительно смотрели на некоторых своих членов, участвовавших в органах буржуазной прессы, вступавших в связи с буржуазными политическими партиями и т. п.⁸

Из-за централизма и федерализма произошел полный раскол в Интернационале, и была минута, когда самое существование Интернационала могло казаться сомнительным.

Из-за противоположения мютюэлизма коммунизму и коллективизму последователи Прудона стали в ряды версальцев и аплодировали бесчеловечному избиению парижских коммунаров⁹.

Можно было подумать, что, действительно, в этой полемике и в борьбе программ рабочий социализм переживает кризис, который не даст ему организовать. Можно было подумать, что противоположение централизма и федерализма настолько существенно, что рабочие-социалисты, поддерживающие ту или другую теорию, не могут иметь друг с другом ничего общего. Можно было подумать, что государственники и антигосударственники настолько противоположны друг другу в своих целях, что между ними невозможен даже союз против общего врага.

Если бы оно было так, то буржуазия и современное государство могли бы торжествовать. Трудно пролетариату бороться против них, если бы он и не представлял резких разногласий, а при борьбе партий в среде самого пролетариата враги его обеспечены.

Но, к счастью, эти печальные явления оказались вовсе не столь существенными, как это можно было думать. Инстинкт рабочих масс, указывавший им необходимость их соединений против общего врага, побудил на практике оставить в стороне девизы, так громко провозглашенные их предводителями, и увлечь за собою самих предводителей. Лассальянцы, самые крайние централисты, националисты и государственники в среде рабо-

чих социалистов, не раз высказывали свое сочувствие международному союзу рабочих; несмотря на крайний централизм своей организации, они сначала послали привет федералистам Интернационала, а потом и сами пришли на их конгресс¹⁰. Вслед за тем они же протянули руку интернационалистам «Рабочего государства» и теперь слились с ними¹¹. Два конгресса ожесточенных врагов собрались одни вслед за другим в одном и том же городе¹², и речи, на них произнесенные, результаты, к которым пришли, были настолько сходны между собою, что для внимательного наблюдателя принципы, их разделяющие, не могли не потерять значения. На другом конгрессе¹³ явления были еще поразительнее. Прежде всего представители самых противоположных программ высказали с общего согласия, что между ними возможен *modus vivendi*¹⁴, позволяющий единство действия против общих врагов всем группам пролетариата. Затем представлены были две записки об устройстве будущего общества¹⁵, и при этом оказалось, что антигосударственники, отрицая слово «государство», совсем не прочь удержать многие его атрибуты; что «анархизм» и теория автономии федераций, секций, личностей допускает немалую долю власти в практической своей программе; что план будущего общества, выставленный федералистом-государственником, нашел довольно много сочувствия в рядах прессы «Рабочего государства» и не вызвал вовсе существенных возражений ни со стороны государственников-националистов, ни со стороны антигосударственников-интернационалистов. С другой стороны, и централисты не раз высказались в смысле, что они в значительной степени признают автономию отдельных групп рабочей организации.

Вследствие недавней ожесточенной полемики и вследствие еще более близких фактов соглашения рабочих-социалистов, несмотря на разногласие их программ, понятие об отношении современной социальной борьбы к основам государственного строя, по-видимому, стало несколько смутным. Недавние боевые крики потеряли определенность, которую им приписывали. В то же время страсти настолько улеглись, что можно теперь рассчитывать на более спокойное выслушивание рассуждений о значении государственного элемента в будущем обществе и в подготовке социальной революции. Мы до сих пор неохотно обращались к вопросам о федерализме и централизме, так как это были клички, казавшиеся вполне ясными тем, которые писали то или другое

слово на своем знамени, клички, возбуждавшие более волнение аффекта, чем рассуждение. Теперь дело несколько изменилось. Термины, раздражавшие еще недавно партии, теперь могут быть оценены не выше их настоящего логического и социологического достоинства. Мы с охотой и пользуемся первым случаем обсудить этот вопрос, который весьма не лишен значения как *элемент* будущего общественного построения или современной борьбы пролетариата с его врагами, хотя вовсе не имеет настолько важности, чтобы люди, различно решающие этот вопрос в настоящую минуту, имели основание считать друг друга врагами и не находили возможности вместе действовать против общего врага.

Наша цель — разобрать, насколько государственный элемент может существовать с развитием рабочего социализма в его окончательной цели и в подготовке этой цели; насколько этот элемент может быть неизбежен в будущем обществе или в периоде подготовки и совершения социальной революции; а также насколько привычки личностей, выработавшиеся в старом обществе, могут обусловить его напрасное и вредное внесение в организацию революционной партии, в окончательную революционную борьбу, наконец, в самый строй общества, которое придется воздвигнуть рабочему социализму на развалинах общественных форм, долженствующих быть разрушенными.

Таким образом, нам придется решать вопросы:

1. В чем именно заключается сущность государственного элемента?
2. Почему в нынешнем общественном строе он безусловно противоречит задачам рабочего социализма?
3. Есть ли возможность и вероятность, что этот элемент исчезнет совершенно в том общественном строе, который рисуется пред последовательными приверженцами рабочего социализма как логический вывод их нынешних стремлений?
4. Насколько будет неизбежно внести государственный элемент в тот общественный строй, который придется устроить пролетариату на другой день после победы, когда среди победителей будет присутствовать немалое число побежденных врагов; когда в рядах самих победителей будет находиться еще большее число лиц, выросших в привычках старого общества, проникнутых этими привычками, и когда поэтому все унаследованные и приобретенные склонности этих лиц будут бессознательно противоречить укреплению нового мира, будут вызывать для

него опасности и могут внести в него с самого начала элементы непрочности их, даже гибели; когда, наконец, пролетариат, победивший на берегах Эльбы, Волги или Мичигана, будет иметь рядом с собой потрясенные социальной пропагандой, но еще не низвергнутые государства буржуазии на берегах Сены, Темзы, Тибра или Дуная?

5. Насколько приходится пользоваться государственным элементом социальным революционерам во время приготовления социальной революции, при организации партии, при ее деятельности, при местных взрывах, наконец, при организации последней борьбы с капитализмом и с государством, и в какой мере этот элемент, внесенный в их организацию и в их деятельность, есть элемент, развращающий их самих, разрушающий самую сущность их партии, уничтожающий вероятность ее укрепления и ее победы в будущем? <...>

Конечно, в предмете столь сложном, вызывающем столько разногласий и затрагивающем столько положений, принятых на веру, столько унаследованных привычек мысли, столько ассоциаций с деятельностью симпатичных или антипатичных нам личностей, трудно, чтобы два человека были вполне согласны и солидарны. Пишущий эти строки знает это, высказывает в этом случае мысли и соображения, которые *вполне* убедительны для него, но которые вовсе не обуславливают во всех подробностях солидарности всех главных участников этого издания. С тою или другою частностью тот или другой сотрудник, может быть, не согласен; более важные и существенные разногласия, может быть, вызовут возражения на страницах этого самого издания; но пишущий надеется, что это частное разногласие и возможная полемика по частным вопросам ни для одного из читателей не затемнит полную солидарность как его, так и его возможных оппонентов с основами программы *народной социальной революции*, которую поставил себе «Вперед» и от которой мы никогда не отступим. <...>

